

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ВНУТРЕННИХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ:
ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБЪЯСНЕНИЙ ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
(ЧАСТЬ I)**

Елагин Д.П., преподаватель, МГИМО

1990-е и 2010-е гг. стали периодом всплеска вооруженной активности в менее развитых странах мира. Изменения, происходящие в международной системе, стали толчком к развитию отдельного направления исследований в современной политэкономической науке и экономике развития – политэкономии вооруженных конфликтов. Цель автора – на основе методов кластеризации и критического анализа исследовательской литературы показать эволюцию объяснений возникновения вооруженных конфликтов в экономических и политэкономических исследованиях. В результате проведенного анализа выделены основные группы теорий, появившиеся за несколько десятилетий исследований вооруженных конфликтов в политэкономической науке. Показано, что каждая следующая группа вносила определенные дополнения и уточнения в представления об основных причинах вооруженных конфликтов. Теории конкуренции за ресурсы показали, что решение о начале вооруженного конфликта может быть рациональным и зависит от вероятности победы в нем, которая связана с издержками упущенных возможностей (упущенными выгодами) для потенциальных участников конфликта. Теории асимметрии информации показали, что из-за неполноты информации, в условиях которой принимают решения экономические агенты, важна не сама вероятность победы в конфликте, а представления агентов о ней, которые, вероятно, не соответствуют действительности.

Ключевые слова: *вооруженный конфликт, политическая экономия вооруженных конфликтов, причины вооруженных конфликтов, внутренние вооруженные конфликты, гражданские войны*

Denis Elagin. POLITICAL ECONOMY OF VIOLENT CONFLICT: A REVIEW OF THEORETICAL EXPLANATIONS OF CONFLICT ONSET (PART I)

1990s and 2010s saw an increase in the number of violent conflicts in less developed countries. The changes the world system underwent ushered in the development of violent conflict research in political economy and development economics – political economy of violent conflict. Relying on clusterization of relevant literature and its critical analysis, this article aims to show the evolution of explanations of conflict onset in economic and political economy research. This allowed to distinguish several streams of theories that emerged over

several decades of extensive research. The author also shows that each next group of theories contributed to complementing and refining existing explanations for violent conflict onset. Theories of insurrection as competition for resources showed that a decision to rebel can be rational and depends on the probability of success, which in turn is linked to opportunity costs (forgone benefits) of a decision to rebel. Theories of information asymmetry and incomplete contracting uncovered that due to information asymmetry that agents face during decision-making; it is important to consider agents' perceptions of it, which are likely to not correspond to reality, rather than the probability of the success of insurgency.

Key words: *violent conflict, political economy of violent conflict, causes of violent conflict, intrastate conflict, civil war*

1. Введение

В статье рассматриваются основные политэкономические теории, объясняющие возникновение внутренних вооруженных конфликтов. Внимание исследователей в сфере экономики развития и политэкономии к данному вопросу связано с тенденцией к росту количества очагов вооруженного насилия на фоне увеличения количества формально суверенных государств в мировой системе¹, многие из которых не обладали устойчивыми институциональными структурами и вследствие этого характеризовались высоким конфликтогенным потенциалом. Это происходило на фоне процессов деколонизации в африканском и азиатском регионах, а позднее в результате распада СССР и Югославии.

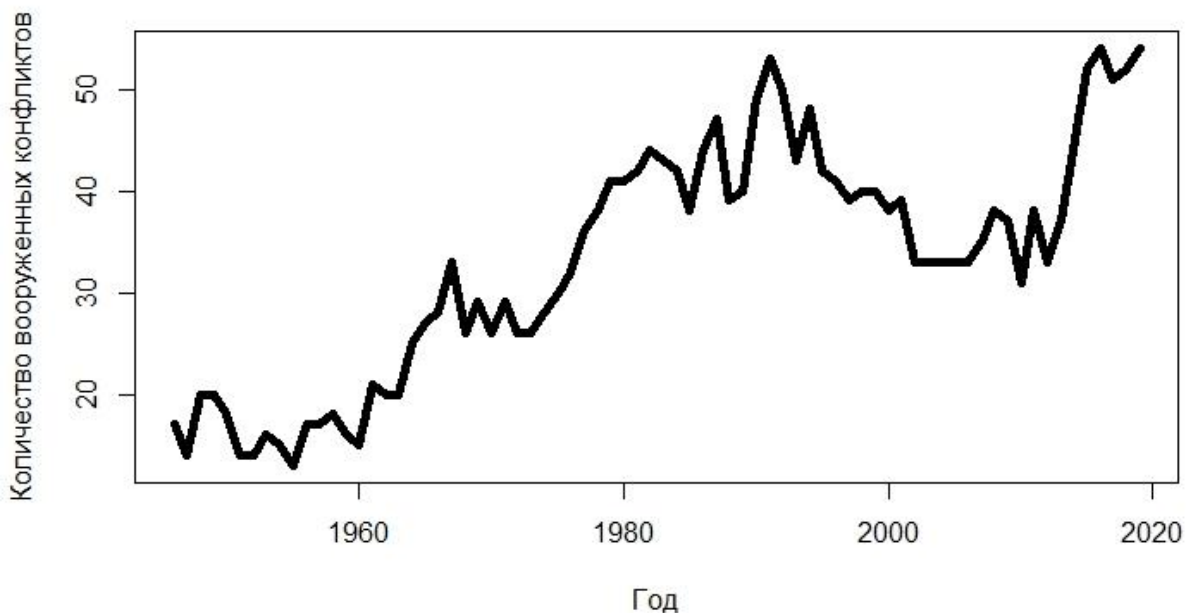
Тренд на заметное увеличение количества вооруженных конфликтов наметился после Второй мировой войны. Мы иллюстрируем эту динамику на примере данных, полученных из базы *UCDP*² (см. Рис. 1). Как показано автором на Рис. 2, количество межгосударственных конфликтов в рассматриваемый период было незначительным и в среднем не превышало 5 на протяжении календарного года. Таким образом, до 90% вооруженных конфликтов на протяжении рассматриваемого периода составляли внутренние, а пик вооруженной активности пришелся на 90-е³ и 2010-е гг.

¹ Прим.: В базе данных *UCDP* критерием членства в международной системе является прежде всего наличие международного признания и суверенитета у политики, контролирующей определенную территорию. См.: Uppsala University and International Peace Research Institute, Oslo (undated) *UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook: Version 20.1*. Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/ucdprio/ucdp-prio-acd-201.pdf> (accessed 21 February 2021).

² Uppsala Universitet (undated) Uppsala Conflict Data Program. Available at: <https://www.pcr.uu.se/research/UCDP/> (accessed 21 February 2021).

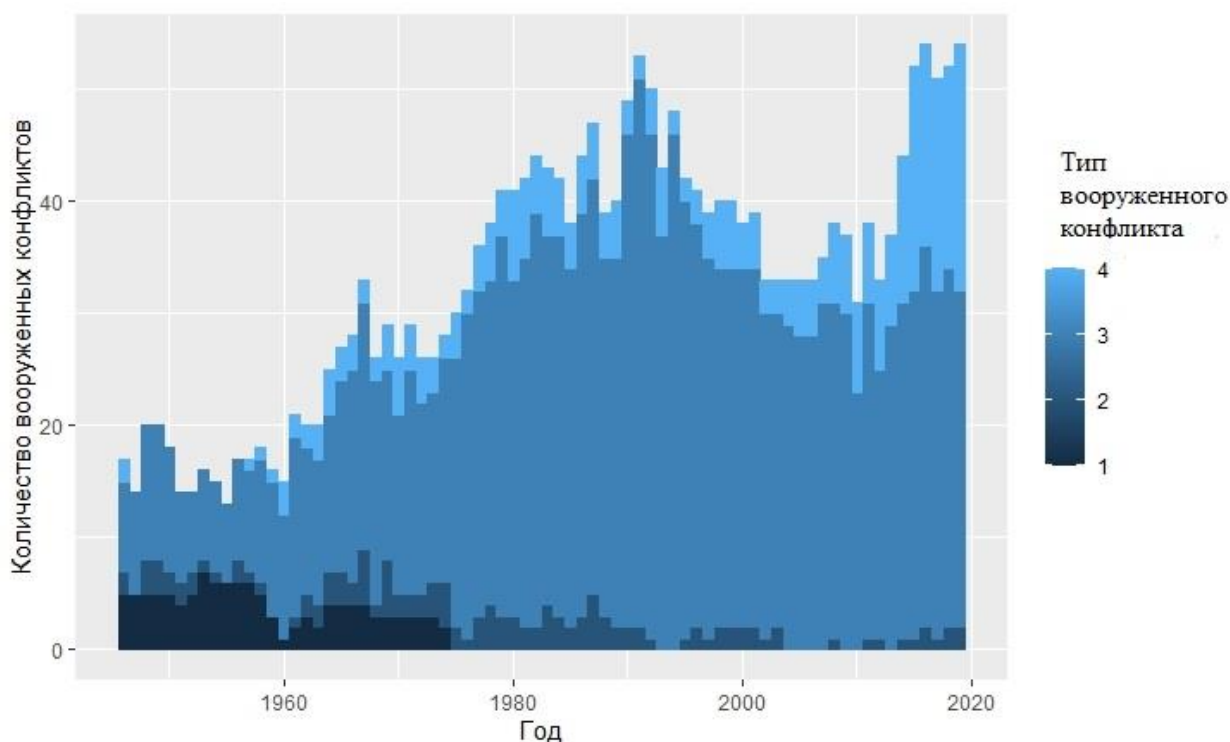
³ Прим.: Отметим, что особенный рост исследовательского интереса к политэкономическому анализу вооруженных конфликтов отмечался как раз в это десятилетие.

Рисунок 1. Количество вооруженных конфликтов в мире в 1946-2019 гг.

Источник: Uppsala Universitet (undated) Uppsala Conflict Data Program. Available at: <https://www.pcr.uu.se/research/UCDP/> (accessed 21 February 2021).

Рисунок 2. Количество вооруженных конфликтов в 1946-2019 гг. по типам вооруженных конфликтов*.

* типы конфликтов: 1 – межгосударственные; 2 – внесистемные⁴, 3 – внутригосударственные (интернационализированные); 4 – внутригосударственные.

Источник: Uppsala Universitet (undated) Uppsala Conflict Data Program. Available at: <https://www.pcr.uu.se/research/UCDP/> (accessed 21 February 2021).

Политэкономические исследования вооруженных конфликтов, как правило, не приводят собственных определений и типологии конфликтов, а используют определения, использующиеся основными базами данных (чаще других используются базы *Correlates of War* и *UCDP*). Это связано с тем, что эмпирические исследования носят преимущественно количественный характер, а потому принимают определения баз, которые служат источниками данных для них. В некоторых исследованиях приводится собственная типологизация⁵, однако делается это, скорее, в аналитических целях, соответственно ее четкие критерии, как правило, не предлагаются.

⁴ Прим.: Под внесистемными или внегосударственными войнами понимаются вооруженные конфликты, происходящие за пределами территории государства-члена международной системы, между государством-членом международной системы и образованием, которое таковым не является и не пользуется международным признанием. Эти конфликты носят территориальный характер, где правительство стремится к сохранению контроля над территорией, лежащей за пределами государственной. База данных *UCDP* указывает, что в эту категорию попадают в основном колониальные войны, а последний подобный конфликт произошел в 1974 г.

⁵ Прим: Подробнее, см., напр.: (Skaperdas, 2011).

Отдельными исследователями все же предпринимались попытки дать определение внутреннему вооруженному конфликту, например, «систематическое нарушение общественного договора, происходящее в результате или ведущее к изменению социальных норм, которые включают применение массового насилия, основывающегося на коллективном действии» (Justino et al., 2013: 6). Отметим, однако, что такие попытки довольно редки и достаточно абстрактны в формулировках, что затрудняет разграничение внутренних вооруженных конфликтов с другими формами группового насилия, а, кроме того, представляют трудность при операционализации, необходимой для проведения количественных исследований.

База *UCDP* (как наиболее популярная у исследователей) определяет вооруженный конфликт (*armed conflict*) как «ведущую к противостоянию несовместимости интересов, реализующуюся в пределах государственных границ или определенной территории, когда применение силы сторонами, одной из которых является национальное правительство, приводит к гибели в результате военных действий по меньшей мере 25 человек в течение календарного года»⁶ (Gleditsch et al., 2002). Определение «вооруженного конфликта», согласно методологии базы, синонимично понятию внутригосударственного вооруженного конфликта (*state-based conflict*). Отдельно в базе данных выделяются негосударственные внутренние вооруженные конфликты (*non-state conflict*), которые также развиваются внутри государственных границ, однако правительство страны не является его участником (в отличие от внутригосударственных вооруженных конфликтов)⁷.

База данных *UCDP* также категоризирует конфликты по степени интенсивности. Они делятся на конфликты низкой интенсивности (*minor*) и войны (*wars*), а критерием выступает количество жертв в результате военных действий в течение одного календарного года. В основе деления лежит интуитивно понятное предположение, что более интенсивные конфликты ведут к большему количеству жертв. В случае, если количество жертв в течение календарного года превышает 1 тыс. человек, то конфликт классифицируется как война. Если их количество составляет от 25 до 999 человек, то как конфликт низкой интенсивности⁸.

⁶ Uppsala University and International Peace Research Institute, Oslo (undated) UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset Codebook: Version 20.1. Available at: <https://ucdp.uu.se/downloads/ucdpprio/ucdp-prio-acd-201.pdf> (accessed 21 February 2021).

⁷ Uppsala Universitet (undated) UCDP Definitions. Available at: <https://www.pcr.uu.se/research/ucdp/definitions> (accessed 21 February 2021).

⁸ Uppsala Universitet (undated) UCDP Definitions. Available at: <https://www.pcr.uu.se/research/ucdp/definitions> (accessed 21 February 2021).

Представляется, однако, что, с точки зрения поиска объяснений возникновения конфликтов, эта разница не является значимой – объяснения, выдвигаемые исследователями, весьма универсальны. В этой связи обратим внимание, что некоторые из них применимы и к международным конфликтам.

Цель данного исследования заключается в отражении эволюции объяснений возникновения внутренних вооруженных конфликтов в политэкономических исследованиях. Для достижения этой цели автор тематически проводит критический анализ исследовательской литературы. Публикации исследователей-экономистов и политэкономистов разделены автором на несколько кластеров, в соответствии с теми теоретическими позициями, которые представляют исследователи⁹.

Автор выделяет несколько групп подходов к объяснению возникновения и причин внутренних вооруженных конфликтов. В данной статье будут рассмотрены следующие: теории конфликта как соперничества за ресурсы, теории асимметрии информации и неполных контрактов, теории микрооснований группового действия, мотивационный подход и подход оценки «устойчивости» повстанческого движения и др.¹⁰. В первой части статьи будут рассмотрены те из них, которые опираются на методологию методологии теоретико-игрового анализа, во второй – другие. Они опираются на эконометрический анализ и рассматривают конфликт как независимую переменную, на которую воздействуют некоторые зависимые переменные, либо увеличивающие, либо снижающие вероятность его возникновения. Также во второй части автором анализируются и группы теорий, для которых характерен микроэкономический подход и анализ мотиваций индивидов к участию в вооруженном конфликте.

Мы отмечаем определенную эволюцию в развитии объяснений возникновения вооруженных конфликтов в экономических и политэкономических исследованиях. Хотя значительная часть предложенных исследователями моделей (даже современных) основывается на распространенном в экономической теории допущении о рациональности экономических агентов, за последние 10-20 лет появились и критические теории, которые отказываются от этого допущения¹¹, предполагая

⁹ Прим.: Отметим, однако, что некоторые, в особенности наиболее ранние теории, объясняют возникновение не исключительно внутренних вооруженных конфликтов, а также межгосударственных вооруженных конфликтов, а иногда и вспышек насилия в принципе.

¹⁰ Прим.: Приведенная автором группировка подходов является достаточно условной. Между исследовательскими работами, выделенными в статье как принадлежащими к одному направлению, могут существовать некоторые методологические отличия.

¹¹ Прим.: В то же время они не входят в мейнстрим исследований по данной тематике.

ограниченную рациональность агентов или воздействие других факторов, вынуждающих их принимать неоптимальные решения. Однако многие идеи, получившие развитие в теоретических подходах, отталкивающихся от предпосылки о рациональности решений экономических агентов, остаются актуальными и лежат в основе подходов содействия международному развитию постконфликтным и «неустойчивым» (*fragile*) государствам со стороны ведущих международных организаций и государств-доноров¹². Развитие микроэкономического направления исследований в XXI в. позволило существенно расширить эмпирическую базу исследований вооруженных конфликтов и картину их возможных причин.

Часть I статьи состоит из нескольких разделов. В разделе 2 приведены основные положения теоретических подходов к анализу причин возникновения вооруженных конфликтов. Они, а также объяснения, приводимые в соответствующих исследовательских работах, рассмотрены в подпараграфах раздела. В разделе 3 отражены основные результаты проведенного исследования. В 4-ом разделе дается авторский комментарий развитию направления исследований и отмечаются перспективные направления исследований. Заключение суммирует результаты исследования.

2. Исследование

2.1.1. О состоянии поля исследований

Исследования вооруженных конфликтов является достаточно молодым направлением исследований в политэкономической науке. Первые примеры экономических (а позднее и политэкономических, по мере оформления появления новой политической экономии как отдельной школы политэкономии, синтезирующей подходы и концепции, применявшиеся в экономической и политической науке) исследований по данной тематике могут быть отнесены к 50-м гг. прошлого столетия. Однако по-настоящему исследовательский интерес к данной проблеме оформился в 90-е гг. Это было связано с увеличением количества-государств членов международной системы после распада биполярного мирового порядка¹³. Многие из этих государств не отличались устойчивыми институциональными системами, их население было гетерогенным, а границы не всегда отражали состав населения, что становилось

¹² Прим.: Об этом можно говорить в отношении важности борьбы с бедностью или укрепления национальных институтов как об инструментах противодействия возникновению и возобновлению конфликтов в менее развитых странах.

¹³ Прим.: Но и сам распад биполярной системы мог стать фактором увеличения количества вооруженных конфликтов в мире. См.: (Alesina and Spolaore, 1997).

причиной высокого конфликтного потенциала. Как было показано нами во введении, именно в этот период отмечается значительный всплеск конфликтной активности. В это же десятилетие появляются научные журналы, специализирующиеся на проблематике исследований мира и конфликтов, в том числе количественного характера. К их числу можно отнести, например, *Journal of Peace Research*¹⁴ или *Defence and Peace Economics*¹⁵.

Выделенные в двух частях статьи теории (скорее, группы теорий), объясняющие возникновение вооруженных конфликтов, можно условно разделить на 2 группы. Первая основывается на методологии теоретико-игрового анализа, вторая – на эконометрическом анализе, выдвигая гипотезы на синтезе выводов, полученных авторами теоретико-игровых подходов, и применяя их к анализу статистических данных. В то же время исследовательская интерпретация полученных результатов оригинальна и обладает теоретической значимостью.

Большинство исследовательских работ отталкивались от положений теории рационального выбора, принимая допущение о том, что группы или индивиды рациональны в своем решении об участии в вооруженном конфликте. Однако получили развитие критические теории, более реалистичные в своих предпосылках анализа. Они приведены нами в отдельном подразделе части II статьи.

В последние два десятилетия развиваются также микроэкономические исследования, часто оперирующие данными, полученными непосредственно в зонах конфликтов, и существенно обогащающие поле исследований эмпирическими подтверждениями или опровержениями теоретических предположений.

Положения основных групп теорий, выделенных автором, отражены в двух частях статьи в отдельных подразделах. В части I статьи рассматриваются теории конфликта как результата соперничества за ресурсы и теории асимметрии информации и неполных контрактов. Другие группы теорий анализируются в части II статьи.

2.1.2. Теории конфликта как результата соперничества за ресурсы

Модели, объясняющие возникновение внутренних вооруженных конфликтов как результат соперничества за ограниченные ресурсы, отталкиваются от нескольких допущений – условий, необходимых для начала конфликта.

¹⁴ SAGE Journals (undated) *Journal of Peace Research*. Available at: <https://journals.sagepub.com/home/jpr> (accessed 21 February 2021).

¹⁵ Taylor & Francis Online (undated) *Defence and Peace Economics*. Available at: <https://www.tandfonline.com/toc/gdpe20/current> (accessed 21 February 2021).

Во-первых, режимы спецификации прав собственности должны быть недостаточно развиты, что затрудняет их эффективную защиту. Во-вторых, вследствие недостаточной спецификации прав собственности невозможно гарантировать выполнение обязательств сторонами. В-третьих, допускается, что политические лидеры могут быть отстранены от власти не только в ходе избирательного процесса. В таких условиях действия, направленные на приобретение контроля над активами силовыми методами, и защита этих активов, могут быть представлены как рациональная альтернатива хозяйственной деятельности (Blattman and Miguel, 2010).

Модели соперничества за ресурсы стали первой попыткой в экономических и политэкономических исследованиях дать формальное объяснение внутренним вооруженным конфликтам и гражданским войнам. Первой работой, в которой предлагалась данная теория, стала публикация Т. Хаавелмо (Haavelmo, 1954). В дальнейшем она развивалась в работах Дж. Хиршлайфера (Hirschleifer, 1988, 1989), М. Гарфинкель (Garfinkel, 1990) и С. Скапердаса (Skaperdas, 1992). Рассмотрим логику этой группы теорий и соответствующих моделей, а также примеры объяснений развития вооруженных конфликтов подробнее.

В основном эти модели рассматривают две группы экономических агентов – правительство и повстанцев¹⁶, каждая из которых принимает решение о распределении ресурсов либо для их использования в производственных целях, либо для захвата ресурсов другой стороны, а сама экономическая система находится в условиях равновесия. Если производственная функция задается в стандартном для экономической теории виде и зависит от эффективности использования доступных экономических ресурсов, то функция захвата ресурсов определяется вероятностью успеха в случае начала вооруженного соперничества (Garfinkel and Skaperdas, 2007), где необходимый вклад фактора производства G (*guns* – «пушки» в терминологии Т. Хаавелмо (Haavelmo, 1954)) соответствует вероятности победы одной из сторон над оппонентом (p_i), которая позволит этой стороне расширить собственное потребление за счет объема продукции, произведенной другой. Соответственно, возможность начала конфликта и победы в нем зависит от нескольких факторов, которые могут быть представлены в форме модели, предложенной Дж. Хиршлайфером (Hirschleifer, 1989):

¹⁶ Прим.: Они рассматриваются агрегировано как единый агент, хотя на деле может существовать большое количество относительно независимых группировок вооруженной оппозиции.

$$p_1(G_1, G_2) = \frac{G_1^m}{G_1^m + G_2^m} \quad (2.1.)$$

где p_1 – вероятность победы стороны 1 в конфликте, G_1 и G_2 – запасы вооружений каждой из сторон, m – показатель эффективности использования сторонами доступных им вооружений.

Соответственно, модели соперничества за ресурсы предсказывают, что вероятность победы будет выше у той стороны, которая обладает военным преимуществом (более эффективными военными технологиями). Однако военные технологии в рамках подхода определяются исследователями довольно нечетко и включают как объекты материального капитала (те самые «пушки»), так и технологии, человеческий и социальный капитал, даже особенности рельефа, которые могут давать преимущество одной из сторон. В рамках этой модели предполагается, что вооруженный конфликт возможен, если рациональные агенты высоко оценивают свои шансы на победу и присвоение активов другой стороны и предполагают, что это принесет им большие выгоды, чем производственная деятельность.

Некоторые изменения в модели соперничества за ресурсы были внесены Г. Гроссманом (Grossman, 1991), который отказывается от допущения о гомогенности повстанческого движения. Соответственно, вместо агрегированной условной организации повстанцев в его работе рассматриваются отдельные домохозяйства, принимающие независимые решения об участии либо в производстве, либо в грабеже (экспроприации активов, произведенных другими экономическими агентами). Хотя в результате этого исходная формальная модель изменяется незначительно, в результате в ней отражена проблема коллективного действия: лидеры вооруженных группировок должны мотивировать экономических агентов выступить на их стороне и принять участие в конкуренции за ресурсы.

Г. Гроссман (Grossman, 1991) отмечает, что важную роль в этом решении играют издержки упущенных возможностей. Дадим короткое объяснение этому понятию, чтобы не возвращаться к нему в дальнейшем. Участие в конфликте для экономического агента связано с упущенными выгодами или доходами, которые могли бы быть получены, если бы он иначе использовал доступные ему ресурсы. Низкие издержки упущенных возможностей участия в конфликте, таким образом, означают отсутствие сопоставимых альтернативных источников дохода для экономического агента. Соответственно, чем они ниже, тем выше вероятность того, что экономические агенты

примут участие в вооруженной конкуренции за ресурсы. Модель предсказывает, что издержки упущенных возможностей будут тем ниже, чем беднее население.

Однако дальнейшие исследования показали, что взаимосвязь между бедностью и вооруженным конфликтом не настолько прямолинейна, как предсказывает модель Г. Гроссмана. В моделях конкуренции за ресурсы победившая сторона получает возможность расширить потребление за счет ресурсов, принадлежавших проигравшей. Однако, чем выше уровень национального богатства (которое является предметом конкуренции), тем большими возможностями будет обладать правительство, с одной стороны, и тем больше будет возможностей для «производительной» деятельности, с другой. Следовательно, тем выше будет устанавливаться уровень равновесия, необходимый для начала конфликта (Garfinkel and Skaperdas, 2007; Grossman, 1999). В условиях отсутствия достаточного количества ресурсов (то есть в случае, если предмет конкуренции относительно незначителен) производство оказывается менее привлекательным, однако и потенциальные выгоды, которые можно приобрести в ходе конфликта, оказываются незначительными. Дж. Фирон (Fearon, 2007) указывает, что в конечном итоге взаимодействие уровня благосостояния населения и национального богатства, контроль над которым можно получить в результате конфликта, могут оказывать взаимоисключающий эффект и приводить к установлению такого состояния равновесия, когда конфликт будет обоюдно невыгоден¹⁷.

Возможным каналом воздействия на возникновение конфликта могут быть внешние шоки. Так, шок, в результате которого увеличивается норма прибыли в капиталоемких отраслях экономики, увеличивает выгоды, которые можно получить в результате успеха повстанческого движения, однако не воздействует на уровень заработных плат и издержки упущенных возможностей. Соответственно, в этом случае риск возникновения конфликта увеличивается. В случае же, если такой шок воздействует на трудоемкие отрасли экономики, эффекты оказываются обратными – заработные платы растут, а издержки упущенных возможностей и риск возникновения конфликта снижаются (Dal Bo and Dal Bo, 2004). Похожие эффекты могут наблюдаться и в случае воздействия внешнеэкономических шоков. Колебания цен на основные экспортные и импортные товары и волатильность условий торговли могут увеличить риск вооруженного конфликта (Besley and Persson, 2008). Например, в результате роста

¹⁷ Прим.: И, соответственно, невозможен, если агенты-потенциальные участники конфликта принимают решения рационально.

цен на импорт возникает риск снижения реальной заработной платы, а в результате роста цен на экспортные товары увеличиваются потенциальные выгоды, которые повстанцы смогут перераспределить в случае победы.

Каналом воздействия может быть и государственная политика. Например, непродуманные решения правительства могут стать фактором шока для отдельных отраслей национальной экономики, что приведет к снижению издержек упущенных возможностей и увеличению вероятности возникновения конфликта (Humphries, 2003).

Теории конфликта как результата соперничества за ресурсы указывают, что распределение доходов и экономическое неравенство (как вертикальное, так и горизонтальное) являются важным фактором в объяснении причин возникновения конфликтов. Гражданские войны, согласно этому подходу, более вероятны в условиях, когда принадлежащие государству активы являются «легко отчуждаемыми» или население не получает выгод от того, что государство ими управляет. Примером таких активов могут быть природные ресурсы или внешняя помощь (Blattman and Miguel, 2010).

Некоторой проблемой подхода конкуренции за ресурсы является то, что он рассматривает наличие вооруженного конфликта или его отсутствие как статичные равновесные состояния. Модели предсказывают, что условия для начала вооруженного конфликта либо существуют, либо он оказывается невозможным, однако такие выводы не кажутся реалистичными. Попытка преодоления проблемы статичности моделей конкуренции за ресурсы за счет внедрения экзогенных факторов (в виде внешних шоков или изменений в политике правительства) не позволяют полностью решить эту проблему, поскольку внутренние факторы изменения равновесия остаются недостаточно проработанными исследователями. Кроме того, отметим, что конкуренция за ограниченные ресурсы происходит всегда, но факторы ее мобилизации в вооруженное противостояние, исходя из логики подхода, остаются недостаточными проработанными – основным фактором, объясняющим мобилизацию в моделях конкуренции за ресурсы, оказываются низкие издержки упущенных возможностей, которые чаще всего связываются со средним уровнем дохода в экономике. В то же время другие факторы, которые также могут оказывать воздействие на значение издержек упущенных возможностей, как, например, институциональные особенности, данной группой теорий фактически игнорируются.

2.1.3. Теории информационной асимметрии и неполных контрактов

Теории информационной асимметрии и неполных контрактов пытаются восполнить пробелы в объяснении возникновения вооруженных конфликтов, оставленные теорией конкуренции за ресурсы и ответить на вопрос: как и почему принимаются решения об участии в вооруженном конфликте? Несколько забегаю вперед, отметим, что конфликты оказывают деструктивное воздействие на национальную экономику, в результате чего возникает противоречие, которое не разрешается теорией конкуренции за ресурсы: если вооруженный конфликт несет разрушительные последствия для национальной экономики, то почему же происходят гражданские войны несмотря на то, что рациональные индивиды должны осознавать их последствия и отдавать предпочтение мирному разрешению споров?

Дж. Фирон в своей работе (Fearon, 1995) предложил 3 объяснения, почему мирное разрешение противоречий может оказываться невозможным:

- лидеры могут вести себя нерационально – их решения могут основываться на эмоциях – или же они обладают ограниченной рациональностью и неспособны адекватно рассчитать выгоды и издержки, связанные с началом вооруженного конфликта;
- лидеры могут быть рациональными, однако они неспособны интернализировать издержки конфликта из-за проблемы принципала-агента (фактически осознают, что основные издержки понесут не они);
- лидеры рациональны и интернализируют издержки конфликта, однако считают его неизбежным вариантом развития событий.

Теории информационной асимметрии и неполных контрактов отталкиваются от последнего допущения и определяют несколько механизмов возникновения конфликтов: 1) асимметрия информации, в результате которой могут складываться мотивации к неверной или искаженной передаче информации для достижения экономических или политических целей; 2) проблемы организации коллективного действия, в частности, неспособности договориться без участия третьей стороны, которая могла бы выступить гарантом соглашения; 3) неразрешимость проблемы, то есть принципиальная невозможность компромисса по некоторым вопросам¹⁸.

Объяснения асимметрии информации указывают на то, что экономические агенты могут переоценивать свою способность одержать победу в конфликте, либо

¹⁸ Прим.: Это объяснение считается не обладающим достаточным объяснительным потенциалом в большинстве случаев, однако существуют работы, где оно рассматривается. Напр., см.: (Hassner, 2003; Powell, 2006)

недооценивают силу противостоящей им стороны (Powell, 2002). Хотя сама себе асимметрия информации является абсолютно обыденным для окружающего мира явлением и вряд ли может стать исключительной причиной начала вооруженного конфликта, это может произойти вследствие нескольких специфических условий. Рассмотрим их подробнее.

Чтобы это было возможным, раскрытие точной информации должно быть либо невозможно, либо невыгодно. Мотивации к отказу от раскрытия информации и стремление представить собственную сторону как более сильную могут быть связаны со стремлением сдержать оппонентов от вступления в конфликт (Walter, 2006). В то же время такое объяснение не представляется достаточно убедительным, учитывая, что после начала конфликта силы сторон становятся более очевидными (как выгоды и издержки его продолжения). Таким образом, асимметрия информации не способна объяснить большое количество продолжительных гражданских войн (Fearon, 2004; Powell, 2006).

Попыткой разрешить это противоречие стало развитие моделей с большим количеством агентов-сторон конфликта, каждая из которых обладает неполной информацией об издержках конфликта для других сторон. В случаях, когда количество участников потенциального конфликта превышает 4 стороны, Парето-оптимальное¹⁹ решение оказывается невозможным и начинается вооруженный конфликт (Esteban and Ray, 2001). Кроме того, существуют и другие возможности начала конфликта при соблюдении условия рациональности (даже при условии, что контракты являются полными). Так, при условии наличия нескольких потенциальных сторон конфликта, каждая из которых является группой, сформировавшейся по какому-либо принципу (религиозному, этническому, территориальному и пр.), даже если общество может договориться о перераспределении и недопущении конфликта по одной из линий противостояния, решение, которое позволило бы прекратить конфликт по всем его потенциальным линиям, оказывается невозможным (Blattman and Miguel, 2010).

С. Чассанг и Г. Падро-и-Микель (Chassang and Padro-i-Miquel, 2008a, 2008b, 2009) обращают внимание на воздействие внешних шоков. Внешнеэкономические шоки в условиях асимметрии информации могут воздействовать на мотивации к немедленному началу вооруженной борьбы, не воздействуя на функцию вероятности победы в этом

¹⁹ Прим.: Такое, в котором улучшение положения одной из сторон, не ведет к ухудшению положения какой-либо из других.

противостоянии. Логика их модели указывает на то, что в тяжелых условиях экономического развития издержки упущенных возможностей будут существенно ниже, что будет порождать мотивации к участию в вооруженном конфликте. Однако эти эффекты могут проявляться и на протяжении более долгого времени после воздействия внешнего шока в результате асимметрии информации и распространения несоответствующих действительности сведений о состоянии экономики. Как следует из предложенной ими модели, предметом конфликта в период t является национальное богатство экономики i (условно это ее ВВП), которое составляет 2θ , так как в потенциальном конфликте участвуют две стороны, занимающиеся производственной деятельностью в экономике, каждая из которых производит часть общего продукта, равную θ . Таким образом, размер экономики равен:

$$2\theta \in (0; \infty) \quad (2.2.)$$

В ходе конфликта часть национального производства c будет потеряна или уничтожена. В таком случае мир будет возможен при условии:

$$\theta_{ti}[1 - 2P(1 - c)] > \delta[PV^V - V^P] \quad (2.3.)$$

где P – вероятность победы одной из сторон, V^V - потенциальные выгоды или терминальная стоимость (*continuation value*), которые могут быть получены в результате конфликта, V^P – потенциальные выгоды или терминальная стоимость при сохранении мира, δ – ставка дисконтирования, означающая, что по мере продолжения конфликта потенциальные выгоды будут сокращаться. Так как правая часть выражения всегда больше нуля (при всех теоретически допустимых значениях параметров), мир будет устойчивым, если потери в результате конфликта будут превышать возможные выгоды (правая часть неравенства). В результате для начала вооруженного конфликта должен произойти экономический шок, который снизит значение θ_{ti} так, что условия неравенства будут нарушены, притом, что оценки сторонами их вероятности победы в конфликте не изменятся, так же, как и ценность мира (V^P).

Соответственно, данная модель предсказывает, что вооруженные конфликты будут возникать в результате негативных экономических шоков в странах с низким уровнем дохода на душу населения, в то время как в государствах с высоким уровнем

дохода и с высокими ожидаемыми темпами экономического роста они будут намного менее вероятными.

Другим возможным объяснением, связанным с асимметрией информации, может быть проблема доверия (*commitment problem*). Так, правительство обладает более точной информацией о своих возможностях, чем конкурирующие с ним группировки, и использует доступные ресурсы в целях «покупки лояльности». Однако в периоды спада экономической активности, доступные правительству ресурсы сокращаются, о чем не всегда известно конкурирующим группировкам, которые могут отказаться от соглашений на менее благоприятных условиях, что может привести к конфликту (Dal Bo and Powell, 2009).

Отдельная группа объяснений допускает начало конфликта и при наличии полной информации у его потенциальных участников. Часть из этих объяснений применимы, скорее, к международным конфликтам и проблеме «гонки вооружений» и превентивного удара (Walter, 1997). Однако в некоторых случаях они применимы и в отношении гражданских войн и внутренних вооруженных конфликтов. В основе таких объяснений находится резкое смещение баланса сил в пользу одной из сторон (например, правительства), положение которого становится более прочным в результате восстановления экономической активности, дополнительных экспортных доходов или внешнего содействия. Если у него существовало какое-либо соглашение с вооруженной группировкой, предполагавшее трансферты в ее пользу, то укрепление положения правительства может стать мотивацией для отказа от выполнения предыдущих договоренностей, и ограничения трансфертов в пользу повстанческого движения. В случае, если объем этих трансфертов окажется ниже, чем тот объем ресурсов, который могли бы получить повстанцы, начав войну, то вероятно начало вооруженного конфликта (Powell, 2006).

Проблема доверия и наличие неполных контрактов в принципе указывают на то, что гражданские войны могут возникнуть в ситуациях, когда несилловые инструменты разрешения конфликта ограничены или неэффективны, а гарантировать соблюдение сторонами условий соглашений затруднительно. Так, например, у сторон конфликта могут возникнуть мотивации сместить баланс сил в свою пользу, если они обладают достаточными для этого экономическими и военными возможностями (Garfinkel and Skaperdas, 2000; McBride and Skaperdas, 2007; Powell, 2006). Если начало конфликта позволит уничтожить или существенно ослабить соперника (в случае нанесения превентивного удара), то победившей стороне (например, правительству) удастся

получить «мирный дивиденд», что позволит ему сократить военные расходы и увеличить инвестиции в инфраструктуру и экономическое развитие. Соответственно, данная группа теорий предсказывает, что конфликты будут более свойственны государствам, где слабы государственные институты, а система сдержек и противовесов неэффективна (Fearon and Laitin, 2003; La Ferrara and Bates, 2001; Skaperdas, 2008). Другим важным условием для начала конфликта с точки зрения данной группы теорий является возможность смещения баланса сил в результате начала вооруженных действий, хотя отмечается определенный недостаток эмпирических подтверждений данного теоретического предположения (Blattman and Miguel, 2010).

Теории асимметрии информации и неполных контрактов вносят существенные дополнения в теоретическое осмысление причин внутренних вооруженных конфликтов. Сохраняя предпосылку о рациональности решений о начале вооруженного конфликта, данная группа теорий позволяет объяснить, почему они возникают, несмотря на то что на макроуровне они не являются выгодными и ведут к чистым потерям для национальной экономики. Подобные решения часто связаны с проблемой асимметрии информации, которая ведет к переоценке участниками конфликта их шансов на победу в нем. Однако главной проблемой теорий асимметрии информации является невозможность объяснения продолжительного характера многих вооруженных конфликтов. Можно допустить, что после начала вооруженных действий оценка действительных сил сторон-участниц конфликта становится более реалистичной, что должно привести к адаптации ожиданий о вероятности победы в конфликте и выгод в случае победы в нем. В результате этого гипотетически многие конфликты должны прекратиться, однако в действительности мы не всегда можем наблюдать это.

3. Результаты исследования

В части I статьи были проанализированы некоторые существующие экономические и политэкономические теории, объясняющие возникновение внутренних вооруженных конфликтов, а также выделены их характерные особенности. Экономические и политэкономические теории в основном обращают внимание на несколько факторов, которые способствуют возникновению и развитию конфликтов, однако отличаются с точки зрения методологии, применяемой к их анализу. Так, теории, описанные нами в подразделах 2.1.2.-2.1.3. опираются на теоретико-игровое моделирование и отталкиваются от допущения о рациональности экономических агентов. Они акцентируют внимание на низких издержках упущенных возможностей как наиболее важном факторе начала конфликта, хотя различаются в интерпретации их

происхождения. К их числу исследователи относят низкий уровень дохода, низкие темпы роста экономики (которые рассматриваются как неблагоприятный уровень развития рынка труда), доступность ресурсов (как финансовых, так и природных ресурсов или трудовых), а также последствия воздействия внешних шоков, которые могут оказывать неблагоприятное влияние на уровень развития национальных экономик и приводить к снижению уровня располагаемого дохода.

Мы отмечаем определенное развитие и углубление теоретического осмысления причин начала вооруженных конфликтов в политэкономических исследованиях.

Модели соперничества за ресурсы стали первой попыткой в экономической и политэкономической литературе дать формальное объяснение внутренним вооруженным конфликтам и гражданским войнам. Они предполагали, что решение о начале конфликта является решением о распределении ресурсов либо для их использования в производственных целях, либо для захвата ресурсов другой стороны, а сама экономическая система находится в условиях равновесия. Функция захвата ресурсов определяется вероятностью успеха в случае начала вооруженного соперничества, а конфликт начнется в случае, если вероятность успеха достаточно велика. Важным фактором принятия решения о начале конфликта, согласно точке зрения моделей конкуренции за ресурсы, являются издержки упущенных возможностей - чем беднее население, тем «дешевле» обойдется конфликт для его участников. Однако в условиях отсутствия достаточного количества ресурсов может установиться такое равновесное состояние, когда конфликт будет обоюдно невыгоден. Тем не менее оно может быть нарушено в случае воздействия внешних шоков, которые снизят «ценность мира» для сторон-потенциальных участниц конфликта.

Теории информационной асимметрии и неполных контрактов восполняют некоторые пробелы в объяснении возникновения вооруженных конфликтов, оставленные теорией конкуренции за ресурсы, и дают ответ на вопрос: как и почему принимаются решения об участии в вооруженном конфликте? Данная группа теорий отталкиваются от того, что лидеры (повстанцев или правительства) рациональны и интернализируют издержки конфликта, однако по определенным причинам (более подробно мы приводим их во 2-м разделе статьи) считают его неизбежным вариантом развития событий. Объяснения асимметрии информации указывают на то, что экономические агенты могут переоценивать свою способность одержать победу в конфликте, либо недооценивают силу противостоящей им стороны. В результате чего к конфликту ведет не собственно вероятность победы в нем, а переоценка рациональными

агентами этой возможности (представление об этой вероятности), вызванная неполнотой имеющейся у них информации.

4. Обсуждение результатов

На протяжении последних двух десятилетий наблюдался значительный рост исследовательского интереса к проблеме вооруженных конфликтов в рамках политэкономии (а также экономики развития и некоторых других субдисциплин экономической науки). Развитие получили как теоретические, так и прикладные исследования (хотя в данной статье акцент сделан именно на исследования теоретического характера). Они в основном обращают внимание на низкий уровень дохода, низкие темпы экономического роста, неустойчивость национальных институтов, а также внешние шоки как наиболее значимые причины начала внутренних вооруженных конфликтов. Отметим, что многие из теоретических выводов, рассмотренных в части I статьи подходов, стали основой для совершенствования мер содействия развитию менее развитых стран, многие из которых обладают высоким конфликтогенным потенциалом.

Автор отмечает определенный дефицит обзорных работ, посвященных политэкономическому анализу вооруженных конфликтов. Большинство из них посвящено отдельным группам теорий, либо концентрируются на обзоре эмпирических исследований или, хотя и носят всеобъемлющий характер, были написаны достаточно давно, а их результаты требуют актуализации. Можно выделить работу К. Блаттмана и Э. Мигуэля (Blattman and Miguel, 2010), в которой приводится достаточно подробный обзор теоретических исследований вооруженных конфликтов в экономике развития и политэкономии. Хотя выводы части I данной статьи в целом совпадают с результатами отмеченного исследования, автором сделан больший акцент на эволюцию теоретических осмыслений – данный фокус отсутствует в работе исследователей. Кроме того, часть II статьи существенно обогащает результаты существующих исследований за счет акцента на критические теории и микроэкономические исследования причин вооруженных конфликтов – рост количества исследований в этих направлениях произошел преимущественно во второй половине 2000-х-2010-х гг.

Более подробный анализ результатов исследования и их сравнение с результатами других обзорных работ по политэкономии вооруженных конфликтов приводится в части II статьи.

5. Заключение

В статье на основе критического анализа научной литературы отражена эволюция объяснений возникновений внутренних вооруженных конфликтов в политэкономических исследованиях. В части I статьи автором выделены некоторые группы теорий, появившиеся за несколько десятилетий исследований проблемы причин вооруженных конфликтов в политэкономической науке. Показано, что следующая группа вносила определенные дополнения и уточнения в представления об основных причинах вооруженных конфликтов. Теории конкуренции за ресурсы показали, что решение о начале вооруженного конфликта может быть рациональным и зависит от вероятности победы в нем, которая связана с издержками упущенных возможностей для экономических агентов-потенциальных участников. Теории асимметрии информации показали, что из-за неполноты информации, в которой принимают решения экономические агенты, важна не сама вероятность победы в конфликте, а представления агентов о ней, которые не всегда соответствуют действительности. Другие группы теорий и теоретическое осмысление ими причин вооруженных конфликтов рассматривается автором в части II статьи.

Список литературы

1. Alesina A and Spolaore E (1997) On the Number and Size of Nations. *The Quarterly Journal of Economics* 112(4): 1027-1056.
2. Besley TJ and Persson T (2008) The Incidence of Civil War: Theory and Evidence. National Bureau of Economic Research Working Paper 14585.
3. Blattman C and Miguel E (2010) Civil War. *Journal of Economic Literature* 48(1): 3-57.
4. Chassang S and Padro-i-Miquel G (2008a) Conflict and Deterrence under Strategic Risk. National Bureau of Economic Research Working Paper 13964.
5. Chassang S and Padro-i-Miquel G (2008b) Mutual Fear and Civil War. Bureau for Research and Economic Analysis of Development Working Paper 165.
6. Chassang S and Padro-i-Miquel G (2009) Economic Shocks and Civil War. *Quarterly Journal of Political Science* 4(3): 211-228.
7. Dal Bo E and Dal Bo P (2004) Workers, Warriors, and Criminals: Social Conflict in General Equilibrium. Brown University Department of Economics Working Paper 2004-10.
8. Dal Bo E and Powell R (2009) A Model of Spoils Politics. *American Journal of Political Science* 53(1): 207-222.

9. Esteban J and Ray D (2001) Social Decision Rules Are Not Immune to Conflict. *Economics of Governance* 2(1): 59-67.
10. Fearon JD (1995) Rationalist Explanations for War. *International Organization* 49(3): 379-414.
11. Fearon JD (2004) Why Do Some Civil Wars Last So Much Longer than Others? *Journal of Peace Research* 41(3): 275-301.
12. Fearon JD (2007) Economic Development, Insurgency, and Civil War. In: Helpman E (ed) *Institutions and Economic Performance*. Cambridge and London: Harvard University Press, pp. 292-328.
13. Fearon JD and Laitin DD (2003) Ethnicity, Insurgency and Civil War. *American Political Science Review* 97(1): 75-90.
14. Garfinkel MR (1990) Arming as a Strategic Investment in a Cooperative Environment. *American Economic Review* 80(1): 50-68.
15. Garfinkel MR and Skaperdas S (2000) Conflict without Misperceptions or Incomplete Information: How the Future Matters. *Journal of Conflict Resolution*
16. Garfinkel MR and Skaperdas S (2007) Economics of Conflict: An Overview. In: Sandler T and Hartley K (eds) *Handbook of Defense Economics, Volume 2, Defense in a Globalized World*. Amsterdam and Oxford: Elsevier, North-Holland, pp. 649-710.
17. Gleditsch NP et al. (2002) Armed Conflict 1946–2001: A New Dataset. *Journal of Peace Research* 39(5): 615-637.
18. Grossman HI (1991) A General Equilibrium Model of Insurrections. *American Economic Review* 81(4): 912-921.
19. Grossman HI (1999) Kleptocracy and Revolutions. *Oxford Economic Papers* 51(2): 267-83.
20. Haavelmo T (1954) *A Study in The Theory of Economic Evolution*. Amsterdam: North-Holland Publishing Company.
21. Hassner RE (2003) To Halve and to Hold: Conflicts over Sacred Space and the Problem of Indivisibility. *Security Studies* 12(4): 1-33.
22. Hirschleifer J (1988) The Analytics of Continuing Conflict. *Synthese* 76(2): 201-233.
23. Hirschleifer J (1989) Conflict and Rent-Seeking Success Functions: Ratio vs. Difference Models of Relative Success. *Public Choice* 63(2): 101-112.
24. Humphries M (2003) Economics and Violent Conflict. Program on Humanitarian Policy and Conflict Research Working Paper.

25. Justino P, Bruck T and Verwimp P (2013) *A Micro-level Perspective on the Dynamics of Conflict, Violence and Development*. Oxford: Oxford University Press.
26. La Ferrara E and Bates RH (2001) Political Competition in Weak States. *Economics and Politics* 13(2): 159-184.
27. McBride M and Skaperdas S (2007) Explaining Conflict in Low-Income Countries: Incomplete Contracting in the Shadow of the Future. In: Gradstein M and Konrad KA (eds) *Institutions and Norms in Economic Development*. Cambridge and London: MIT Press, pp. 141-162.
28. Powell R (2002) Bargaining Theory and International Conflict. *Annual Review of Political Science* 5: 1-30.
29. Powell R (2006) War as a Commitment Problem. *International Organization* 60(1): 169-203.
30. Skaperdas S (1992) Cooperation, Conflict and Power in the Absence of Property Rights. *American Economic Review* 82(4): 720-739.
31. Skaperdas S (2008) An Economic Approach to Analyzing Civil Wars. *Economics of Governance* 9(1): 25-44.
32. Skaperdas S (2011) The Costs of Organized Violence: A Review of the Evidence. *Economics of Governance* 12: 1-23.
33. Walter BF (1997) The Critical Barrier to Civil War Settlement. *International Organization* 51(3): 335-364.
34. Walter BF (2006) Information, Uncertainty, and the Decision to Secede. *International Organization* 60(1): 105-135.